

П1347 П-1347
АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Т Р У Д Ы
ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ

ВЫПУСК 18

М. Я. КОЖЕВНИКОВ

ЧУКОТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1909—1910 гг.

(С приложением карты маршрута и альбома иллюстраций
Хатаангской экспедиции)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД • 1935

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Т Р У Д Ы
ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ

ВЫПУСК 18

М. Я. КОЖЕВНИКОВ

ЧУКОТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1909—1910 гг.

(С приложением карты маршрута и фото-альбома
Хатангской экспедиции)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД • 1934

Декабрь 1934 г. Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непрерывный секретарь академик В. Волин

Редактор издания А. И. Толмачев

Технический редактор Г. А. Стратановский. — Ученый корректор Е. М. Мастыко

Сдано в набор 10 июля 1934 г. — Подписано в печати 4 декабря 1934 г.

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

1748434

15 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — 15/16 печ. л. — 46464 тип. зн. в печ. л. — Тираж 875

Ленгорт № 23720. — АНИ № 75. — Заказ № 68

Типография Академии Наук СССР, В. О., 9 линия, 12

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпуская настоящую работу М. Я. Кожевникова с описанием маршрута Чукотской экспедиции 1909—1910 гг. под начальством геолога И. П. Толмачева, редакция сообщает, что этот маршрут был обработан и напечатан в виде отдельных планшетов много лет тому назад, но по независящим от автора причинам не мог быть ранее выпущен в свет.

Внимание Правительства, уделяемое в последнее время Северу и в связи с этим интенсивное освоение его, а в частности и этой далекой северо-восточной окраины нашего Союза — Чукотского полуострова, заставляют нас полагать, что выпуск в свет карты этого маршрута и объяснительной записки к нему будут полезны еще и потому, что наш северо-восток картирован вообще слабо.

Поступающие от многих учреждений и отдельных лиц требования на эту работу указывают на то, что печатаемая карта эта до сих пор еще не только не устарела и не потеряла своей актуальности, но представляет ценный материал для последующих исследований.

М. Я. КОЖЕВНИКОВ

ЧУКОТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1909—1910 гг.

Чтобы иметь лучшее представление о топографических работах Чукотской экспедиции, расскажу о тех условиях, при которых пришлось достигать места начала экспедиционных работ — устье р. Колымы, и о той обстановке экспедиционного движения, при которой пришлось вести работу.

Чукотская экспедиция состояла из трех лиц научного персонала: ее начальника геолога И. П. Толмачева, астронома Э. Ф. Вебера и топографа М. Я. Кожевникова. Из бывшего Петербурга экспедиция должна была выехать в середине февраля,¹ а в действительности выехала лишь в середине марта и, кроме того, не встречая широкого содействия администрации Якутской области, не могла достигнуть начального пункта работ до наступления весенней распутицы. 24 марта мы приехали в Иркутск и через 5 дней поехали дальше. Ехали безостановочно круглые сутки, тратя время только на 15-минутные остановки для перепряжки лошадей, и поэтому нам удавалось проезжать около 215 км в сутки. До Якутска мы ехали без всяких приключений, не считая мелких, обычных при дальних дорогах. Морозы в это время по ночам доходили до 30° Ц. В Якутск приехали 13 апреля и 19 поехали дальше на маленьких санках, запряженных сперва лошадьми, а через несколько перегонов оленями. На санках, которые занимали мы, были устроены из серого сукна кибитки-кошевки, дававшие прекрасную защиту от непогоды. В Якутске местная администрация уверяла нас, что ею сделаны все распоряжения для беспрепятственного движения экспедиции. Но на первом-же станке² лошадей не оказалось, и пришлось их собирать по окрестностям. То-же самое было и на следующих станках. Из-за недостатка лошадей часть груза пришлось отправлять на быках. Движение стало очень медленным: едва 50 км в сутки. Тогда И. П. Толмачев, поручив мне вести караван, уехал налегке вперед для подготовки на станках лошадей и оленей. Дело пошло лучше, но все же часто на станках нам не хватало средств передвижения, и приходилось собирать их самим, что при здешнем, весьма редком на-

¹ Даты везде по новому стилю.

² Селение, где содержится почтовые средства передвижения: лошади, олени, собаки, лодки и т. п.

селения, было очень трудно. Чем дальше мы ехали, тем наше движение становилось все неопределеннее. Сбор нужных для нас 40 оленей часто задерживал нас сутками. Нашему движению стала препятствовать еще догонявшая нас весна. Груз, приспособленный для зимнего движения, надо было перепаковать в небольшие ящики и сумы, удобные для движения на вьюках. А так как ни у нас, ни у местных жителей не было для этого достаточного количества необходимых принадлежностей, то перепаковку приходилось делать постепенно.

Приближение мое к Верхоянску представляло оригинальную картину, так как у меня шли в запряжке и вьюками лошади, олени и быки.

Окончательно на вьючное движение мы перешли в г. Верхоянске, куда прибыли 5 мая. И. П. Толмачев, не имея возможности получить от меня известия, не дождался моего приезда и меньше чем за сутки до этого уехал из Верхоянска.

При дальнейшем движении на Среднеколымск, на первых станках лошади были подготовлены, и мы делали по 100 км в сутки. Такое ускоренное движение, продолжавшееся 4 суток, было очень утомительно, особенно потому, что оно происходило почти без сна. А дальше пошло то же самое, что было до Верхоянска, так как мы почти ни на одном станке не находили нужного количества лошадей, а некоторые станки были совершенно пусты: ни людей, ни лошадей. В ожидании их прибытия приходилось иногда сидеть сутками. Это время было самое беспокойное и шумное вследствие обсуждения разных вопросов относительно нашего дальнейшего движения. При этом постоянно обращались ко мне со всевозможными вопросами насчет лошадей, ящиков, седел, ремней и т. п., а часто и с личными делами. Когда наконец нужные лошади бывали собраны, новые ящики начинали по своему распределять вьюки и вьючить лошадей. На эту процедуру уходило несколько часов.

При дальнейшем нашем продвижении не проходило почти ни одного дня без каких-нибудь приключений. Так, например, однажды я поехал вперед от каравана, чтобы подготовить его дальнейшее движение. Предстояло до следующего станка проехать около 140 км тайгой. Через сутки повалил густой снег (9 мая), и ящик заявил, что сбился с дороги и дальше совершенно не знает, куда ехать. А это ведь было на большом почтовом тракте. Никакие поиски ни к чему не привели, и пришлось остановиться в полуразрушенном шалаше переждать непогоду и терпеливо ждать случайной встречи с якутами.

Вообще для ускорения движения я старался отправлять вперед хоть часть каравана, по мере сбора средств передвижения. Когда же нашему движению стала порядочно мешать весна, мы должны были двигаться все вместе, чтобы иметь достаточное количество рабочих рук при переправе через реки.

В двадцатых числах мая нам предстояло перейти р. Индигирку, и при приближении к ней было еще неизвестно, как мы разрешим этот

вопрос: перейдем-ли по льду, переправимся ли на лодках, или нас задержит ледоход. Оказалось, что мы переправились через нее совсем без хлопот, хотя около берегов воды было уже порядочно.

Последний переход перед г. Среднеколымском почти все время пришлось ехать по воде и грязи. Поэтому мы с Э. Ф. Вебером были очень довольны, когда наконец 9 июня прибыли в Среднеколымск и тем закончили свое вьючное движение. И. П. Толмачева мы тут тоже не застали.

В Среднеколымске несколько дней ушло на приготовление к предстоящему плаванью по р. Колыме. Как нарочно эти дни были тихие, а когда у нас все было готово, начались ветры, которые очень сильно мешали нашему плаванью и заставляли задерживаться на случайных бивуаках.

21 июня мы достигли Нижнеколымска, где наконец встретились с И. П. Толмачевым. От него я узнал, что оленей и лошадей нам заготовили много меньше нужного числа, да и то они находятся на левом берегу Колымы и их надо переправлять на правый через три рукава реки по несколько километров ширины каждый. Через несколько часов после встречи Толмачев опять уехал окончательно устраивать дела по отправке лошадей и оленей к последнему поселку на Колыме — Сухариному. Через сутки и мы двинулись дальше, и опять нам мешал сильный ветер.

Наконец 26 июня вечером мы прибыли к Сухариному. Сюда должны были собраться все наши олени, лошади и проводники, и отсюда мы должны уже были двинуться экспедиционным порядком. Ввиду недостатка перевозочных средств мы произвели здесь разборку всего груза и отобрали все, без чего могли бы обойтись. К этой категории мы отнесли часть оружия, кое-какие инструменты, часть белья, подушки и т. д. Все это просили администрацию сохранить до нашего возвращения.

От Сухариного 4 июля мы сделали переход к мысу Лаптева, начальному пункту наших исследований, на котором еще сохранился деревянный маяк, поставленный мореплавателем Лаптевым еще в середине XVIII ст. Здесь им был определен астрономический пункт, который удалось также определить и нашему астроному.

Свой маршрут по берегу Ледовитого океана я начал 6 июля в 3½ ч. дня, когда один пошел пешком вдоль берега. В 10 час вечера встретился с И. П. Толмачевым и, отдохнувши, мы пошли дальше вместе. Ночь была совершенно светлая, работать можно было беспрепятственно. К 6 часам утра подошли к нашему лагерю в устье р. Медвежьей.

С этого времени у нас начались встречи с чукчами и деловые сношения с ними. Дело в том, что многое необходимое для экспедиции мы должны были получить от чукчей, которые денег совершенно не понимали, и поэтому вместо них мы везли разные необходимые для чукчей вещи. Во время этих деловых свиданий мы начали знакомиться с их жизнью и обычаями.

Дальнейшее движение мы никак не могли наладить так, чтобы становиться на ночлег вечером, а пораньше утром двигаться дальше. Всегда

выходило наоборот. Конечно, при непрерывном дне это особенного значения не имело, но получалось какое-то особенное распределение времени.

Обычно я с Толмачевым шли по берегу. У него был проводник с верховыми оленями, а со мной на санках. Местные санки настолько низки, что на них оказалось совершенно невозможным ехать по кочкам, и поэтому мне почти все время приходилось идти пешком. Ходьба была тяжелая, так как по самому океанскому берегу была рыхлая галька, а если подняться повыше, то кочки и овраги.

Очень трудный переход был кругом мысов Летяткина и Большого Баранова, когда пришлось километров 10 идти по громадной каменной россыпи. Для облегчения счета шагов при труднопроходимых местах, я каждую сотню троек их отмечал на бывшей при мне палке.

В конце июля мы подошли к устью Большой реки, где раньше было большое селение, от которого хорошо сохранилось несколько построек и упраздненная церковь. От этого места мы должны были идти двумя партиями: И. П. Толмачев со мной и лошадьми попрежнему, по берегу, а Э. Ф. Вебер со всеми оленями прямым путем к устью р. Чаун, где у нас был устроен склад провизии и разных вещей для обмена, вывезенных сюда еще по зимнему пути по распоряжению И. П. Толмачева из Петербурга и охраняемых двумя людьми, приглашенными колымской администрацией.

Переправа через Большую реку заняла $5\frac{1}{2}$ часов, так как мы пользовались только одной лодкой, взятой из каравана Э. Ф. Вебера и возвращенной ему по окончании переправы. На другой день, еще до нашей отправки в путь, приехал на лодке гонец с известием от Вебера, который только что узнал от вновь прибывших чукчей, что мы не на материке, а на острове. Пришлось переправляться еще и через правый рукав Большой реки. Конечно, это вызвало порядочную задержку. А потом эти задержки стали повторяться при всех переправах даже через небольшие тундренные речки, так как с нами не было никакой лодки. С большими затруднениями переправились мы через р. Козьмину метров сто шириной и метров шесть глубиной, о чем можно было судить по застрявшим на ней льдинам. Переправлялись на плоту, сделанном из найденного на берегу плавника.¹ Особенно трудным переходом встретила нас Чаунская губа. Ее западный берег оказался очень низкий и топкий, покрытый массой различной величины озер и болот, соединенных между собой целой сетью протоков. Некоторое облегчение в ведении маршрута по этой низине представлял И. П. Толмачев, ехавший со своим проводником впереди меня на порядочном расстоянии, что очень помогало следить за направлением предстоящего пути и пользоваться уже найденными им бродами.

¹ Выброшенный волнами лес.

Несмотря на лето, было так холодно и сыро, что я все время был или в бурковом пальто или в полушубке.

К возвышенному южному берегу, к горе Каин, мы вышли только 11 августа. Последние речки недалеко от этой горы мы перешли вброд в их устье, подавшись от берега далеко в залив, где дно было не вязкое. Это было в 11 часов ночи, и было уже так темно, что ничего нельзя было разобрать, и мы двигались в воде только по догадке. Местами лошади даже плавали.

Через два дня мы встретили двух чукчей, которые согласились провожать нас на своих байдарках до самого склада у р. Чаун. Они оказали нам громадную услугу при переправах через целую сеть больших и малых рек. Во многих местах они находили нам броды, причем на одной речке находил брод один, а другой чукча в это время ехал вперед и искал брод на следующей реке. Если же брода не было, то груз постепенно перевозился на байдарках. 17 августа мы перебрались через правый самый большой рукав р. Чаун как раз к нашему складу.

Э. Ф. Вебер, который должен был прибыть раньше нас, пришел со своим караваном на целую неделю позже нас. В ожидании его прихода мы готовились к дальнейшему путешествию. По первоначальному плану, составленному в Петербурге, к началу октября экспедиция должна была бы закончить свои работы, достигнув Берингова пролива, куда к этому времени должен был бы прибыть военный транспорт и доставить участников экспедиции во Владивосток. Но мы так сильно запоздали, что стало ясно, что экспедиция закончится значительно позднее, именно тогда, когда здесь будет полная зима. По этим соображениям мы начали усиленно заготавливать зимнюю одежду, добывая нужные для этого оленьи шкуры путем обмена на разные товары, бывшие у нас на чаунском складе. Все-таки даже и после этой операции, при дальнейшем нашем движении, экспедиционный груз значительно увеличился. Пришлось большую часть груза отправить на двух чукотских больших байдарках под общим наблюдением астронома Э. Ф. Вебера. Олений караван пошел долинами рек под наблюдением переводчика Киприанова, охранявшего раньше наш склад на Чауне. Толмачев же со мной отправился по берегу с вьючными лошадьми. Казалось, как будто бы все было налажено в нашем движении хотя бы на несколько дней. Но совсем неожиданно произошло осложнение в движении лошадиного каравана, выступавшего последним. Очень серьезно заболел один из наших проводников, которого мы должны были оставить на попечение другого проводника, а сами двинуться дальше, имея только одного проводника при 14 лошадях. Поэтому мы сами обратились в конюхов, и у нас выходило много времени на поимку лошадей, их вьючение, развьючение и треножение. Обыкновенно И. П. Толмачев с проводником вели по 4—5 вьючных лошадей, а я остальных свободными. Не имея при себе проводника, мне было очень трудно при ведении маршрута справляться с лошадьми, так как они ни за что не хотели стоять спокойно хоть одну

минуту. Приходилось слезать. Один день мне пришлось слезать 39 раз. В другой раз, когда И. П. Толмачев целый день шел пешком вдоль длинного утеса, мне пришлось вести и его вьючных лошадей. Хорошо еще, что таким порядком мы двигались только 9 дней.

С середины сентября горы заметно покрылись снегом. Дни стали так коротки, что мы из экономии после отъезда с Чауна днем уже не останавливались на обед и по этой же причине дневной маршрут приходилось вычерчивать при свете свечи, на что тратилось около двух часов.

Из расспросов чукчей узнали, что дальнейшее движение вдоль берега ни на оленях, ни на лошадях невозможно вследствие сильной гористости местности, а выходить к берегу можно, но только в некоторых местах. Особенно непроходимым являлся Шелагский мыс, который даже пешком, по мнению чукчей, обойти было невозможно. Это обстоятельство, в связи с близким наступлением зимы, делало присутствие лошадей в дальнейшем движении лишним. Поэтому И. П. Толмачев решил ими пользоваться до тех пор, пока будет возможно, а затем убить на мясо.

На самом деле обойти с маршрутом кругом Шелагского мыса оказалось еще труднее, чем я представлял себе по рассказам чукчей. Этот мыс, площадью около 30 км², представляет собою полуостров, высотой около 200 м, отделившийся длинным, низким седлом от общего массива. Своим видом полуостров напоминает первый сустав большого пальца руки, расположенный в горизонтальном положении, и лежит несколько севернее 70° с. ш. На всем протяжении океанского берега от р. Колымы до Берингова пролива мыс этот наиболее выдается в океан и служит правым входным мысом в Чаунскую губу. Вся поверхность мыса представляет собою осыпь громадных камней разной формы объемом до 100 м³, нагроможденных друг на друга в хаотическом беспорядке. Во многих местах по таким камням ходить было совершенно невозможно, а приходилось карабкаться то вверх, то вниз, а большей частью ползти. Конечно, ни о каком счете шагов в таких местах нельзя было и думать, а можно было только наглаз определять расстояние до тех камней, которые я ставил целью своего достижения. В общем пришлось проползти чуть ли не половиной сделанного в тот день пути, рискуя искалечиться на каждом шагу. Выпавший накануне снег забил многие промежутки между камнями, но был еще слаб, чтобы меня выдержать. Поэтому часто приходилось палкой сбивать снег с камней, чтобы не слететь в какую-нибудь пропасть. От такого путешествия к 7 часам вечера я чувствовал себя страшно утомленным, а до палатки, которую должны были поставить на моем пути в конце седла, было еще километров 6—7. Около 8 часов вечера стало уже так темно, что буссоль едва можно было отсчитывать. Тогда я решил ближайшей ложиной, путем более легким, вернуться к чуму чукчей, откуда я начал обход мыса.

На другой день я пошел с маршрутом через седло к тому месту, где была для меня поставлена палатка, с целью оттуда пройти к месту окончания прерванной накануне работы. Был такой сильный ветер, что около

самого берега океана едва можно было стоять. Вчерашнее место окончания работы оказалось лежащим на большой, очень крутой высоте, чего вследствие темноты я не мог рассмотреть накануне.

Ввиду наступающей зимы, дальнейшее наше передвижение должно было совершаться на собаках, так как за отсутствием оленьих пастбищ по всему чукотскому побережью оленей здесь не держат. К этому мы усиленно подготовлялись, нанимая чукчей для доставки нас к мысу Дежнева или выменивая у них собак и санки. Не оставляя все-же прежнего, более удобного движения на оленях и лошадях, нам удалось продвинуться вперед на несколько переходов, откуда можно было вернуть через горную страну более удобным путем всех оленей. С ними мы отправили геологические коллекции и весь груз, без которого можно было бы обойтись в дальнейшем пути. Олени со своими погонщиками ушли от нас 6 октября.

Моему движению вдоль берега (верхом и пешком) стали сильно мешать метели, оледеневшие утесы и нагромодившиеся на берег океанские льдины. От этих переходов сильно страдали лошади, главным образом, вследствие недостатка и трудного добывания подножного корма. Их всех пришлось убить на мясо, обеспечив себя несколько на дорогу и сделав некоторый запас на Шелагском мысу для обратного пути.

Следующие девять дней почти без перерыва бушевала такая сильная пурга, что от чума нельзя было отойти и на несколько шагов, не рискуя заблудиться.

Приготовления к передвижению на собаках сильно задержались тем, что чукчи, пожелавшие ехать с нами, должны были перестроить весь свой летний уклад жизни на зимний и для этого, главным образом, перестроить свои летние чумы (яранги) на зимние. Так как они гораздо обширнее тунгусских или якутских чумов, то и постройка их гораздо сложнее и солиднее и занимает у чукчей много времени.

Только 25 октября мы двинулись дальше на 9 собачьих нартах. Хотя груза у нас теперь было немного, но для легкой езды его было более чем достаточно.

На первом же ночлеге выяснилось, что чукчи, вопреки договору, не взяли с собой ни провизии, ни даже чайников. Поэтому в следующие дни запас сухарей, которыми мы должны были делиться с чукчками, быстро стал истощаться. Также быстро таяли запасы конского мяса, расходовать которое начали со времени приобретения собственных собак.

Ведению маршрута стали мешать снежные метели. За направлением берега иногда невозможно было следить и приходилось пережидать порывы пурги даже без всякого прикрытия.

С началом зимы мы палатками уже не пользовались, а ставили для себя небольшой, отдельный чум. С наступлением больших холодов пришлось пользоваться помещением чукчей, так как по берегу совсем не было выкидного леса, которым можно было бы отопить наш чум. Несмотря

на всю вою и грязь чукотских жилищ, бывало очень приятно попасть в их теплоту после долгого пребывания на морозе, в особенности после пурги.

В конце октября корма для собак уже не было, и поэтому они так ослабели, что мне с подводчиком часто приходилось по очереди идти пешком. К этому времени от порядочных морозов и ветра мои пальцы, отмороженные еще во время Хатагской экспедиции 1905 г., сильно болели. Не имея возможности вследствие этого вести маршрут и быть полезным экспедиции, я почувствовал себя лишним и решил отстать от экспедиции и вернуться на Колыму, чтобы подготовить обратный путь товарищам. И. П. Толмачев мое решение одобрил. Это произошло 9 ноября у мыса Рыркайпья. Со мной возвращались двое подводчиков на двух тяжело нагруженных нартах. Подводчики были предупреждены, что по-чукотски я ничего не понимаю и чтобы поэтому они не вступали со мной в излишние разговоры. Во время этого пути мои познания в чукотском языке с каждым днем увеличивались, но от взаимного непонимания друг друга бывали иногда недоразумения, к счастью, кончавшиеся без осложнений.

Перенеся дорожные лишения, обычные при таких путешествиях, 27 ноября мы достигли Шелагского мыса, где я должен был остановиться в семье одного чукчи и терпеливо ждать прихода сюда собак, которых мы выписали от колымской администрации. С ними должны были прибыть и необходимые продукты. Ожидая прибытия собак, я наблюдал домашнюю жизнь чукчей и собирал разные вещи для этнографических коллекций.

У чукчей в те годы были очень плохие промыслы. Они голодали. У меня запасов провизии тоже не было, и поэтому пришлось тоже голодать. Хорошо, что это продолжалось недолго, так как 29 декабря пришли собаки. Я с особым удовольствием ел уху из жирной рыбы омуля, закусывая черным хлебом.

Прибывшие колымчане по договору, заключенному с ними администрацией, должны были пробыть на Шелагском мысу лишь несколько дней. Если бы в это время экспедиция не прибыла, они имели бы право вернуться в Нижнеколымск.

Так как экспедиция на обратном пути могла терпеть еще большие лишения, чем на пути туда, то я решил послать ей навстречу на подкрепление несколько нарт и продукты. Но никакие мои уговоры не могли заставить колымчан ехать навстречу экспедиции. Не устроив ничего с этими людьми, я решил ехать в Нижнеколымск и уже оттуда выслать несколько подвод с обязательством пройти на восток до встречи с экспедицией.

Мой отъезд задержался из-за непрерывной пурги. Только 6 января 1910 г. я покинул Шелагский мыс. Движение мое к устью Колымы сопровождалось громадными затруднениями, так как в это время года солнце не всходит и изобилуют почти непрерывные страшные пурги, сильно мешающие передвижению. Во время этого пути я иногда пользовался светом северного сияния для выбора себе подходящего места для ночлега

с плавником для костра. При свете сияния берег был виден на несколько метров, а когда оно ослабевало, в нескольких шагах ничего нельзя было рассмотреть.

К первому русскому поселку — Сухариному — я приехал 20 января т. е. от чукчей я ехал 14 дней, тогда как ранней весной это расстояние можно проехать в 4 дня. 24 января я прибыл в селение Походское и отсюда организовал посылку навстречу экспедиции двух нарт с полным грузом корма и провизии. На другой день переехал в Нижнеколымск, откуда послал еще две нарты. Сбирать людей, знающих дорогу на Шелагский мыс, необходимое количество собак и корм для них приходилось в разных местах.

Нижнеколымск я покинул 30 января, а в Среднеколымск приехал 3 февраля. И. П. Толмачев прибыл сюда 18 февраля, а 24 мы поехали дальше. Вебер же от мыса Дежнева ехал с И. П. Толмачевым только до мыса Рыркайпья, а затем решил вернуться обратно на мыс Дежнева, чтобы оттуда весной ехать в Петербург через Владивосток.

Обратный наш проезд из Среднеколымска оказался значительно легче, так как, благодаря содействию администрации, средства передвижения везде были подготовлены, и мы двигались беспрепятственно. В Верхоянск мы приехали 5 марта, в Якутск 11 марта, где в ожидании перевода денег задержались на 10 дней и потому в Иркутск прибыли 4 апреля, а в Петербург 16 апреля.

Теперь расскажу несколько подробнее о способе ведения маршрута. При организации экспедиции было решено вести маршрутную съемку по образцу Хатагской экспедиции 1905—1906 гг.¹ Как тогда, так и теперь целью экспедиции было произвести в возможно короткий срок маршрутную глазомерную геологическую съемку. Для выполнения этой задачи предполагалось двигаться возможно усиленными переходами и вести топографический маршрут в масштабе 5 верст в дюйме, ограничиваясь зарисовкою только самых крупных подробностей. В описываемой Чукотской экспедиции не было столько разнообразия при ведении маршрута, как в Хатагскую экспедицию, так как не было столько способов передвижения при весьма различных условиях. Сущность ведения маршрута сводилась к тому, что направление пути определялось по буссоли Шмалькальдера, а расстояние между станциями — счетом шагов, скоростью движения верховой лошади или собак, запряженных в санки. Для зарисовки доступной для глаз полосы делались буссольные засечки или брались только направления, а расстояния определялись на-глаз. О некоторых отступлениях в методе работы сказано выше, при описании движения экспедиции. Рассчитывая начать

¹ Кожевников. Маршрутная съемка р. Хатаги в 1905 г. (Зап. Военно-топограф. упр., ч. LXIV, отд. I, стр. 77). — Кожевников. Приемы маршрутной съемки и условия работ в районе побережья Северного Ледовитого океана (Изв. Русск. Геогр. общ., т. XLVIII, 1912 г.).

маршрут еще по снегу, я думал для измерения пройденного пути использовать велосипедное колесо с приделанным к нему счетчиком. Колесо должно прикрепляться к спинке санок и пружиной прижиматься к дороге, что способствовало бы более равномерному ходу колеса. Испробовать свое приспособление мне не пришлось, вследствие опоздания на два месяца начала работ экспедиции и наступившей весенней распутицы.

Свою работу я начал от маяка Лаптева и до Большой реки, а частью и в нескольких других местах побережья, вел маршрут пешком (всего около 450 км). От Большой реки до Шелагского мыса и несколько переходов дальше (всего тоже 450 км) я вел маршрут с лошади. При этом для отсчета буссоли и записи разных заметок почти всегда приходилось слезать, так как ни одна из лошадей не могла стоять спокойно. На этом пути нам часто приходилось переходить вброд реки. Перед переправой через широкие реки я старался определить несколько хотя бы случайных предметов, как, например, промысловые шалаши, кучи сложенных бревен и т. п., или нарочно поставленные мною знаки, чтобы потом обратной засечкой определить свое положение. Подобное определение предметов я делал на всякий случай во всех затруднительных местах, где работа могла бы прерваться независимо от меня: например, при движении по низкой тундре, изрезанной целой сетью озер и ручьев, среди которых приходилось кружиться, как в лабиринте.

Дождавшись санного пути, мы поехали на собаках. Предварительно я изучил их бег. Он оказался довольно равномерным: по льду и твердому снегу до $8\frac{1}{2}$ км в час, а по глубокому снегу в два раза медленнее. В последнем случае для облегчения собак самому приходилось идти пешком. Когда собаки почуют след какого-нибудь зверя или увидят пролетающую птицу, то сразу увеличивают скорость. Если их во-время сдерживать, то эта вспышка бывает так коротка, что мало влияет на равномерность общего движения. На собаках я сделал около 225 км маршрута.

Всего я сделал около 1125 км маршрута самой различной ширины. При низком берегу полоса маршрута была до 2 км ширины, а при гористом я старался наметить подошву горной страны и просто писал на планшете: „горная страна“, выделяя в ней выдающиеся места. В последних случаях ширина охваченной полосы вдоль маршрута доходила до 25 км.

Средний дневной успех работы оказался следующий: пешком 21.5 км, верхом 14 км и на собаках 29 км.

От мыса Рыркайпья маршрут повел Э. Ф. Вебер тем-же способом, каким вел и я. Только ему пришлось сделать его исключительно на собаках. Весь наш маршрут опирается на ряд астрономических пунктов, определенных перевозкою хронометров, которые имеются только в предварительном вычислении.

По возвращении в Петербург маршрут был вычерчен, но не положен на географическую сетку. В таком виде и в том же масштабе он теперь и создается.

Еще до вычерчивания маршрута, он был использован Главным Гидрографическим управлением для корректуры своих карт. Впоследствии маршрут добавлялся астрономическими пунктами, от чего, конечно, он уточнялся. В 1932 г. этот маршрут был использован Академией Наук при составлении карты Якутской АССР.

При сравнении географических названий, собранных Чукотской экспедицией 1909—1910 гг., с названиями других экспедиций, между ними замечается большая разница. Это объясняется разными причинами: малым знакомством местных жителей со своим краем, что в особенности бросается в глаза по сравнению с тунгусами и якутами, и равноплеменностью жителей. От этих причин часто бывает, что одна и та же река в отдельных своих частях носит разное название. Кроме того, с течением времени эти названия изменяются.

Весьма желательно для скорейшего развития страны, чтобы она вся в возможно скором времени была покрыта фотосъемкой, сопровождаемой сбором современных географических названий.

Апрель 1933 г.

1748434

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Цена 7 руб. 02
с приложением альбома
иллюстраций и карт

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится: 1) Отделом распространения
Издательства Академии Наук, Ленинград 53, В. О., Менделеевская лин., 1, тел. 5-92-62
2) Московским отделением Издательства: Москва, ул. Горького, 20/2.